

ЛитРес:

ЛАНА ЛАНИТОВА

КОЛЬЦОВ

ЧАСТЬ 1

18+

Лана Ланитова

Кольцов. Часть 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64027916*

Кольцов. Часть 1:

Аннотация

События, описываемые в этом романе, произошли ровно сто лет тому назад.

Бурные и ревущие двадцатые...

1924 год. По столице свободно разгуливают обнаженные люди. Скажете, что такого не могло быть. И ошибетесь. Это были члены так называемого общества «Долой стыд».

Итак...

Москва. НЭП. И очень откровенная история любви и страсти.

Он – довольно успешный и популярный в московских богемных кругах врач, практикующий хирург и костоправ. Она – любящая и любимая красавица-жена. О них все говорят, как о счастливой и яркой паре. Их семья – образец социалистической ячейки общества тех лет. Подрастают двое сыновей. Но так ли все гладко в этой семье, как кажется на первый взгляд? Море соблазнов, эксперименты с чувственностью, острая как бритва ревность, измены, происходящие под крышей их совместной уютной квартиры и на глазах жены. Многоженство и групповой секс, которые супруг считает нормой. Боль и страдания. Ложь

и предательство. Тайны прошлого. Обо всем этом вы узнаете, прочитав этот роман.

Роман изобилует откровенными эротическими сценами и содержит ненормативную лексику. Категорически не рекомендуется юным читателям в возрасте до 18 лет.

Содержание

Вместо предисловия	8
* * *	10
Глава 1	11
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Лана Ланитова

Кольцов

Часть 1

Посвящается моему близкому другу КАНу

Вместо предисловия

Роман написан в эротическом жанре.

Действие романа происходит в России, в 20-е годы прошлого века. Это было время первых шагов советской республики. Мало кто знает, что это время охарактеризовалось бурным началом так называемой советской сексуальной революции.

1924 г. Москва. Удивительный период в истории нашей страны. НЭП в экономике, которая отложила свой неизгладимый отпечаток на всю общественную жизнь и культуру. НЭП позволила быстро восстановить народное хозяйство, разрушенное Первой мировой и Гражданской войнами. Это было непростое и интересное время. Оно охарактеризовалось своеобразным всплеском свободы, часть из которой захватила свободу нравов. Это было время больших экспериментов с познанием человеческой чувственности и сексуальности. Время вездесущего Эроса, время промискуитета, тройственных и более союзов. Время короткой легализации однополых браков. Это было время любви Лили Брик и Маяковского. Время "валькирии революции" Александры Коллонтай. Её статья под названием "Дорогу крылатому Эросу!" появилась весной 1923 года, и в массовом сознании была воспринята как призыв к свободной любви.

Позднее, спустя годы, руководители страны и лично

Иосиф Сталин постарались уничтожить многие документальные, кино и фото свидетельства тех лет, посвященные этой теме. И лишь за рубежом, в частных архивах, сохранились единичные фотодокументы, отразившие тот период. Имеются также и воспоминания современников.

Это было время движения "Долой стыд". Совершенно голые люди на улицах СССР, мужчины и женщины, украшенные только лентами через плечо с лозунгом «Долой стыд!». «Мы, коммунары, не нуждаемся в одежде, прикрывающей красоту тела! Мы дети солнца и воздуха!»

В новом обществе традиционный институт семьи и брака неожиданно стал считаться буржуазным пережитком. На свет появились организации, ведущие пропаганду новаторских культурных ценностей и избавления от пережитков старого строя.

Это было время джаза, фокстрота, чарльстона и время очаровательных флэпперов.

Автор поместила своих героев в эту интересную эпоху и написала чувственный роман о любви, страсти и ревности. О вечном споре полов за право любить и быть любимыми.

О том, как это вышло, судить вам.

Роман изобилует откровенными эротическими сценами, сценами группового секса и содержит ненормативную лексику.

Задача пролетарской идеологии не изгнать Эрос из социального общения, а лишь перевооружить его колчан на стрелы новой формации, воспитать чувство любви между полами в духе величайшей новой психической силы – товарищеской солидарности.

*Александра Коллонтай «Дорогу крылатому Эросу!»,
1921 год.*

*Ревность возбуждать одной любви пристало.
Пьер Корнель*

*Отсутствие ревности означает расчетливую любовь.
Анна Луиза Жермена де Сталь*

Ревность – это ощущение одиночества среди смеющихся врагов.

Элизабет Боуэн

*Кто не ревнует, тот не умеет любить.
Анн и Серж Голон*

*Тот, кто не ревнует, тот не любит.
Аврелий Августин Блаженный.*

Глава 1

1924 год. Апрель. Москва

Он знал, что танцует лучше всех в отделении. Да, что там в отделении, пожалуй, во всем институте и в бывшей Alma mater, и даже в гимназии в юные годы, в мастерстве танца – ему не было равных. Музыка, ритм, движение – после медицины – были самыми важными его увлечениями. Когда он слишком долго не слышал музыки или песен, ему казалось, будто мир утрачивал свою привычную гармонию. Уши начинали ловить мелодию там, где ее изначально не было. Она звучала в весенней капели за окном, в воробьиных пересвистах, в цоканье лошадиных конок по мостовой, в звуках клаксонов на автомобилях, заполонивших дороги столицы. Он слышал ее в девичьем смехе, в гуле водосточных труб, в трелях трамвая на Садовом.

Еще с гимназических лет он неплохо играл на фортепьяно, тромбоне и нескольких дудках. О, эти безумные, живые и такие теплые реликты – дудки, флейты, наи, рожки, сампоньяс, сиринги, кугиклы, кена, кеначо, окарины, флуэраши и жалейки! Эти инструменты он почему-то нежно любил более иных и коллекционировал их с самой юности. Знакомые знали за ним эту страсть и привозили их из разных стран мира. На каждом рожке и на каждой дудке он мог вполне сносно

воспроизвести любую мелодию. Он почти с отеческой нежностью гладил глянцевые или потертые торцы флейты Пана, перебирал её пустотелые деревянные и бамбуковые цилиндры, связанные меж собой старинными тканевыми и кожными снурками или костяными стяжками. Пальцы углублялись в игральные отверстия флейт, губы сами собой тянулись к мундштуку, словно к губам любимой женщины. Музыку он слышал и понимал не хуже любого профессионального музыканта. Его ухо улавливало малейшую фальшь в исполнении. Но о музыке чуть позже.

Сейчас, выпив по традиции бокал грузинского вина за здоровье именинника, заведующего кафедры патанатомии Гуськова¹, при первых нервных и чуть фальшивых аккордах матчиша, он вырвался на танцпол, подхватив за руку тонкую востроносенькую Верочку из отделения гнойной хирургии. Верочка была вертлява и прыгала в матчише не хуже чем разбитная бразильянка. Верочке нравился Андрей Николаевич. Он нравился многим женщинам, с которыми работал. Но сюда, в ресторан, он пришел со своей женой Светланой.

Светлана немного стеснялась танцевать такие танцы, как матчиш. Ее плавная грация была более органична в вальсе, фокстроте или танго. Правда, совсем недавно она записалась

¹ Здесь и далее – все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно. Как и случаен выбор географических мест и их названий. Исключением являются лишь несколько реальных исторических личностей, имена которых автор старалась упоминать в максимально уважительной и корректной форме.

на курсы по обучению чарльстону. И Кольцов довольно часто видел у себя в зале мелькание ее стройных и крепких икр, облаченных в тонкие чулки.

Когда она входила в ритм, то он невольно любовался ею, а она краснела и, надув губы, просила не мешать и не смотреть на нее пристально. Но он не мог не смотреть на нее. Обычно занятия заканчивались тем, что он подхватывал ее на руки и нес брыкающуюся в спальню. Но в спальне она, как правило, прекращала всякое сопротивление. Ее карие миндалевидные глаза всякий раз туманились от страсти, как только его губы приникали к ее губам.

* * *

Верочка откровенно строила ему глазки. Но когда его пальцы касались ее талии, ему казалось, что он трогает руками чугунное ребро радиатора центрального отопления. Верочкины ребра проступали сквозь тонкую кожу. Он не любил худышек.

Его жена была стройна и хорошо сложена. Но при этом ее нельзя было назвать худенькой. Высокая обильная грудь, подчеркнутая довольно смелым декольте нового коктейльного серебристого платья, которое он привез ей из Вены, с международного медицинского симпозиума, приковывала взгляды многих мужчин в ресторане. Узкая талия переходила в плавную линию широких бедер. А когда она поворачива-

валась спиной, то он почти с тайным восхищением всякий раз любовался ее чуть оттопыренной попкой, ниже которой шли длинные и полные в ляжках ноги. Тонкие щиколотки и запястья выдавали в ней штучку весьма породистую. Кольцов знал это и очень этим гордился.

А потому все старания Верочки понравиться ему, пропадали даром. Оркестр играл задорную мелодию матчиша. Кольцов всецело отдавался безудержному ритму танца, выворачивая ноги знаменитыми "четверками" и впечатывая носки легких лакированных штиблетов в блестящий ресторанный паркет. Но взгляд его, то и дело блуждавший по барханам крахмальной белизны обеденного зала, выхватывал разрозненные детали банкетного застолья. Ему хотелось, чтобы именно ОНА смотрела сейчас в его сторону. Мелькнула нежная щека Светланы. Она улыбнулась ему и кивнула, одоббив его смелые выкрутасы на танцполе. Он рассмеялся, словно мальчишка, и пошел выделять кренделя по всему залу. Верочка едва поспевала за ним, семеня тонкими ножками. Негр, играющий на медной трубе, залихватски подмигивал выпуклым рыбьим глазом и скалился в белозубой улыбке. Горячая кровь пульсировала в ушах в ритме матчиша. Зал искрился хрусталем бокалов, яркими электрическими фонарями, блеском вычурной нэпманской роскоши. Совбуры умели сочетать в себе жирный заокеанский глянец пальм в нелепых рязанских кадках, порочность гастрономического изобилия, хлынувшего в голодную и истерзанную

войной и революцией Москву, а равно и картавое грацирование пылких революционных спичей. Кольцову казалось порой, что из одного страшного театра войны, с его главной сцены, его переместили в иной театр, где было много кичливой и безвкусной бутафории, революционного пафоса и бесконечной глупости "ведущих актеров". И если бы не Светлана, он верно бы сошел с ума от всех быстро сменяющихся событий. Чудны дела твои, Господи!

И он танцевал, а вместе с ним, казалось, танцевала вся весенняя Москва. А далее толпа скрыла от него родную русую головку и полные плечи супруги. Кольцов нахмурился. Но вот высокий товарищ, вставший так некстати из-за стола и заслонивший ему весь обзор, отошел наконец в сторону, и взгляд снова поймал упругую, ровную ручку жены, в которую врезался тонкий золотой браслет. Этой рукой, освобожденной от длинных ажурных перчаток, она немного жестикулировала, растопылив длинные пальцы с накрашенными ноготками. Она рассказывала нечто интересное своей собеседнице, рыжей Петровой, главной больничной сплетнице. Петрова тарачила мелкие бессмысленные глаза, трясла головой и улыбалась карминным ртом. И обе они уплетали холодный пломбир из высоких серебряных креманок. Светлана поминутно смеялась, красиво запрокидывая пушистую голову. Ее русые волосы, длиною до плеч, в этот раз были заколоты изящной заколкой, обнажая райскую шейку с выпавшим на затылке завитком.

Юбилей Гуськова отмечали в «Яру»². Это был знаменитый московский ресторан с высокими витражами, дорогими фресками, хрустальными люстрами, кадка́ми с пальмами, с множеством зеркал и роскошной мебелью. Именно здесь собиралась весьма состоятельная публика и вся творческая богема столицы, а также артисты, банкиры, дельцы разных мастей. По выходным со сцены лились старинные русские и цыганские романсы. Здесь давал представления знаменитый хор Ильи Соколова и пели известные цыганские певицы – Олимпиада Федорова и Варвара Панина. Эти стены помнили и самого Шаляпина. О дореволюционном «Яре» ходили свои легенды. Кухня «Яра» славилась изысканной едой, а вечеринки – славными кутежами.

А ныне, в будни, отдавая дань быстроменяющейся и такой необузданной моде, сюда все чаще приглашали современный полу джазовый оркестр, который исполнял новомодные танго, вальсы, матчиш, чарльстон, шимми и конечно всевозможные фокстроты. Здесь звучали композиции Дюка Эл-

² После ареста последнего владельца ресторана Алексея Судакова, в 1917 году ресторан был закрыт. Однако сохранились свидетельства, что он частично работал во времена НЭПа. А после, до 1952 года в здании на Ленинградском шоссе размещались то рабочий клуб, то кинотеатр, то спортзал для бойцов Красной армии. В начале 1950-х годов по инициативе сына Иосифа Сталина Василия здание снова перестраивается. Были частично сохранены старые помещения, а со стороны улицы Расковой пристроено новое крыло, где разместилась гостиница «Советская» с одноименным рестораном. Ее номера принадлежали Верховному Совету СССР и Совету Министров, и для простых граждан вход сюда был закрыт. (Примеч. автора)

лингтона, Скотта Джоплина, Сэма Вудинга и Льюиса Митчелла.

Зная вкусы современной московской публики, оркестр, в котором было даже два негра с котелками на курчавых головах, после матчиша заиграл что-то из серии "Animal dans", и вся пьяная толпа уже походила на беснующихся животных. Полный и потный хирург Сидорчук, поминутно отирая бегущий со лба пот, изображал из себя медведя, медсестры – двигали руками словно обезьянки, а сам Кольцов танцевал в центре зала безудержное соло, высоко задирая ноги, двигая широкими плечами, дрожа каждым мускулом на сильном и гибком молодом теле. Когда он отдавался танцу, ему казалось, что какая-то неведомая стихия снисходила на него и двигала телом сама, уже без участия его собственной воли. Его импровизации выглядели настолько органично, что постепенно толпа танцующих редела, останавливалась и расступалась, отдавая дань безумству и таланту этого молодого врача.

– Эх, товарищ Кольцов, – с легкой завистью шептал Сидорчук. – Ты не только хирург от бога, ты черт тебя дерит, талантлив во всем.

– Боже, Антон Иванович, а если бы вы знали, как он играет на флейте, – с обожанием глядя на Кольцова, подтверждала Верочка.

– Да-с, господа-товарищи, – резюмировал седенький профессор Званцев. – Недаром говорят, что если человек та-

лантлив, он талантлив во всем.

– Он и акварели рисует недурственно, – шепнули в толпе.

А после его кто-то отвлек в курительную комнату. Ресторанный луково-мясной жар валил с кухни, по коридору сновали раскрасневшиеся официанты, в вестибюле прохаживались дамы в роскошных туалетах, призывно виляя бедрами.

Сидорчук советовался с ним относительно сложного случая – один из его пациентов мог лишиться ноги. Кольцов пообещал прийти завтра на консилиум. Сам Кольцов не курил и вел, пожалуй, даже слишком здоровый образ жизни. И теперь ему было неприятно вдыхать чуть кисловатый запах дешевых папирос своего коллеги.

– Я все понял, Антон Иванович, завтра буду, – заверил он Сидорчука и спешно покинул курилку.

Из зала неслись звуки медленного фокстрота.

"Сейчас я приглашу на танец свою девочку, – с наслаждением подумал он. – Хватит ей болтать о пустяках и есть мороженое. Пусть все мужики полюбуются на ее роскошную задницу..."

Когда он вернулся в зал, Светланы за столиком не было. Он покрутил головой и увидел, что она танцует с высоким светловолосым юношей. Парень казался необыкновенно красивым. Модного покроя костюм почти безукоризненно сидел на его широкоплечей фигуре. Кто таков? Кто-то из практикантов? Отчего я не видел его ранее? А может, местный поэтишка или писака? Кольцов знал, что в «Яру» до-

вольно часто собиралась московская литературная богема. А может, он артист? Больно хорош – и осанка, и движения, и лицо. Или сынок какого-нибудь нэпмана? Кровь ударила в голову. Он скрестил на груди руки и, непринужденно улыбаясь коллегам, прошел к своему столику и сел напротив танцпола.

Красавчик так умело вел в танце его жену, лихо закручивая ее на поворотах и наклоняя назад талию, что у Кольцова перехватило дыхание. Декольтированная спина Светланы отливала матовой белизной. Нежные руки невесомы, и их крепко сжимал в своих руках этот наглый парень. Черт побери! Он прекрасно танцевал фокстрот. И округлая, красивая, чуть оттопыренная задница жены, облаченная в темный струящийся шелк, именно его сводила теперь с ума. Противнее всего было то, что жена в эти минуты совсем не искала его глазами. Наоборот, эта нахалка с радостной улыбкой смотрела в лицо своего юного кавалера. Он что-то довольно быстро и отрывисто говорил ей, наклоняя светлую голову прямо к ее щеке. Она смеялась, краснела и отводила глаза.

"Да, что он себе позволяет, этот щенок! О чем он там ей шепчет? А она? Какого черта она так ему улыбается? Сучка и дрянь! Вот оно, бабское племя. Стоит только отвернуться, как тут же какой-нибудь хлыщ запросто не только на танец пригласит, а подпоив вином или шампанским, тут же и завалит в укромном месте", – свирепея, думал он.

Казалось, что фокстрот длится целую вечность. Вся пло-

щадка была заполнена танцующими парами. Но он не видел никого, кроме Светланы и этого молодого хлюста. Звуки танца умолкли. Кавалер, галантно наклонившись, поцеловал Светлане руку. Андрею вновь стало трудно дышать.

"Сейчас она вернется, и мы поедем домой", – думал он.

Но гадкий оркестр отчего-то довольно быстро заиграл танго, и даже не доведя его супругу до места, кавалер ловко подхватил у бегущего официанта два бокала с шампанским и протянул его раскрасневшейся Светлане. Та вначале замолчала головой, но, вдруг улыбнувшись, приняла бокал и жадными глотками выпила содержимое так, словно это был лимонад.

Густые аккорды танго уходили в низкие, вибрирующие звуки, а молодой красавчик оказался таким расторопным, что довольно быстро, встав на одно колено, театрально пригласил его дуру Светку на новый танец.

Так! Это уже становится даже интересно, думал он. Она что, уже успела напиться? Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он даже передал по просьбе какой-то дамы вазу с фруктами и продолжал смотреть в сторону танцпола. Над собой, где-то возле уха, он слышал тихий и въедливый голос все того же Сидорчука, который к тому времени вернулся из курилки.

– Везунчик ты, Андрюша. Вот всюду тебя фортуна не обидела, – беззлобно фыркнул Антон Иванович, дыхнув на Кольцова запахом чеснока, мяса и перегара. – Жена у тебя

– женщина редкой красоты. Сразу видна буржуйская порода, – он рассмеялся еще громче.

Кольцов отвернулся, но после посмотрел на Сидорчука невозмутимым взглядом нарочито веселых синих глаз.

– Твоя правда, Антон Иванович. Светка – баба что надо.

Когда ему хотелось обесценить какую-то вещь или человека, он нарочито присваивал ей грубые, расхожие и малопривлекательные ярлыки. Никогда и в мыслях своих он не называл Светлану "бабой". Она всегда была для него девочкой, лапушкой, кошечкой... Много каких нежных имен давал он ей в минуты страсти и будучи наедине с самим собой. Но именно сейчас ему захотелось обозвать ее "бабой", дрянью и даже шлюхой.

И, наконец, его Светка догадалась поискать глазами супруга. Андрей улыбался, глядя на нее. И даже помахал рукою. Но она отчего-то все поняла. И почувствовала, что из его смеющихся глаз сквозит отнюдь не доброта. А нечто иное. Она боялась именно такого его взгляда.

Танго закончилось, и Светлана, решительно отодвинув руки своего кавалера, быстрой, чуть неровной походкой отправилась к их столику.

– Андрюша, ты куда-то пропал, – затараторила она, оправдываясь и заглядывая в его лицо. – Я тебя искала, чтобы станцевать фокстрот. Ты же знаешь, как я люблю фокстрот. Но тут меня пригласили. Этот молодой человек. Он практикант из вашей кардиологии.

– Да? Будущий кардиолог? Во-он оно что? – Андрей зло рассмеялся, красиво приподняв темную бровь. – Ах, как романтично – доктор, врачующий сердца. Понравился?

– Кто? – глупо спросила жена.

Она смотрела на него чуть затуманенным взглядом карих глаз.

– Юный кардиолог, который заставил твое сердце биться чаще.

– Андрюша, ну что ты такое говоришь? – она прильнула к нему горячим бедром и положила свою длинную ладонь в его руку.

Голову окутал тонкий аромат ее новых французских духов. Разгоряченная кожа обнаженных рук, пьяное дыхание, пахнущее вишней, пломбиром и вином – все это он ощутил разом и разозлился еще сильнее.

– Ты пьяна?

– Нет, что ты. Я выпила лишь капельку шампанского, – она положила голову ему на плечо.

Он не обнял ее в ответ. Его руки лежали неподвижно.

– Андрей, ты разве сердишься на меня? – она приблизила к нему лицо. – Но я, правда, выпила совсем немного. Я ела фрукты, салат, пломбир. И немного шампанского. Я выпила шампанского с вашей этой, рыжей дамой, – она икнула и рассмеялась. – Андрей, я забыла, как ее зовут.

– Петровой? – обронил он.

– Да, Алевтиной Карловной.

– Угу, – бесстрастно кивнул он. – Ну, а потом ты выпила залпом бокал на танцполе из рук... кардиолога.

– Ну и что? – заканючила она, прижимаясь к нему все плотнее. – Что в этом такого? Я просто захотела пить. Не понимаю, на что ты сердишься? Ты сам танцевал, все люди веселятся. Что тут такого, что я немного потанцевала с вашим коллегой?

– Этот щенок мне не коллега, – тихо отозвался Кольцов. – До коллеги ему надо еще дорасти.

– Ну, Андрюша...

Оркестр снова грянул фокстрот, и ее последние слова потонули в ритме быстрого регтайма.

– Ой, как я люблю такой фокстрот. Андрюша, пойдем, потанцуем.

– Сходи сначала в дамскую комнату и поправь прическу. У тебя размазалась помада.

– Да? – она смущенно опустила глаза.

Рука потянулась за сумочкой, украшенной белым бисером. Она встала.

– Подожди меня минутку. Я скоро вернусь, – сообщила Светлана и быстрой походкой, виляя задом, вышла из банкетного зала. Как только она скрылась в одном из боковых пассажей, он медленно поднялся и пошел вслед за ней.

– Любезный, – обратился Андрей к швейцару. – Сюда вошла дама в блестящем платье?

– Да, господин хороший, именно сюда-с, – по-старому,

учтиво ответил ему осанистый мужчина в униформе.

Кольцов достал из кармана ассигнацию и сунул ему в карман.

– Голубчик, это моя супруга. Я буду очень признателен, если ты закроешь нас минут на тридцать, сорок или час. Словом, я постучу, когда нужно будет открыть. Ты понял?

– Всенепременно, – отвечал швейцар, кивнув острым бритым подбородком, стараясь не смотреть в синие глаза Кольцова. – Я вас закрою и дождусь, пока вы меня не позовете. Тогда и открою-с. Там есть колокольчик, вы можете и позвонить.

– Получишь еще столько же, если станешь охранять наш покой от всех случайных посетителей.

– Здесь есть еще несколько дамских комнат и уборных. Вас никто не потревожит. Можете не сомневаться. Хоть до утра-с. У нас закрывается в шесть.

– Спасибо, – кивнул Кольцов и распахнул дамскую комнату.

За окном смеркалось, яркий апрельский день катился к закату. Плотные шелковые портьеры закрывали окна от посторонних глаз со стороны улицы. В комнате приятно пахло настоящим «Chypre» от Coty, с оттенком бергамота, и легкими дамскими пахитосками. Мягкий карамельный свет неярких ламп струился по углам. Возле стены стоял роскошный диван с витой золоченой спинкой, комод и банкетка. Светлана, сняв одну из туфель, поставила ногу на банкетку и по-

правляла шов на шелковом чулке.

Позади раздался скрип двери, она оглянулась. Заложив руки в карманы брюк, к ней приближался Андрей.

– Андрюша, это же дамская комната, – она сделала испуганные глаза. – Сюда нельзя. Могут войти другие женщины.

– Никто не войдет, – спокойно возразил он и плюхнулся на диван.

В замочной скважине повернулся ключ.

– Нас что, закрыли?

– Да, нас закрыли, – беспечно ответил он и улыбнулся немного волчьей и обворожительной улыбкой. – Нас откроют только тогда, когда я дам знать швейцару.

– Но зачем?

– Зачем?

– Скажи, ты возбудилась, когда танцевала фокстрот?

– Что ты такое говоришь?

– Снимай платье и бельё.

– Нет. Мы не станем это делать здесь. Это неудобно. Что подумают твои коллеги?

– Плевать мне на коллег. Медики – народ бесстыжий. Кому есть дело до того, что супруг желает воспользоваться своим законным правом? А? Скажи, цветочек, разве может мне кто-то это запретить?

– Поехали тогда домой и там...

– Дома – это само собой. Но, для начала, я выебу тебя здесь.

– Андрей, ты точно сошел с ума.

– Я? Нет... Этот щенок, с которым ты танцевала, следил за тобой как коршун. Он видел, как ты вошла в эту комнату. А потом он увидел, как в нее вошел я. Бьюсь об заклад, у этого мальчугана сейчас болят яйца, и встал колом хуй. Но он пойдет драть в соседний клозет. А я займусь любовью прямо тут. С тобой. Ты поняла? Я отъебу тебя сегодня так, что ты не сможешь с утра подняться с постели.

Светлана закрыла глаза, грудь вздымалась от прерывистого дыхания.

– Вот, я же вижу, что ты уже хочешь? Да, моя киса?

Он потянул ее за руку и усадил рядом. Наклонившись, он впился в ее губы сильным и страстным поцелуем. Пальцы потянули из волос заколку. Густые русые волосы водопадом рассыпались по пленительным плечам Светланы.

– Я порву и разопру тебе сегодня всю твою пизду. Ты поняла меня?

– Да, – ответила она, не открывая глаза.

– Да... Чтобы моя девочка еще раз как следует поняла, кто у нее муж, господин, ее хозяин и султан.

После этих слов она уже плохо соображала. Очень давно, почти с самого начала их семейной жизни, так повелось, что в интимных встречах он вел себя, как господин, всячески подавляя ее волю. Он чувствовал себя с нею повелителем – ласковым, но, чьи требования она должна была исполнять ровно всякий раз, как он этого желал. Раз и навсегда он по-

требовал того, что любое его желание должно быть удовлетворено – в любом месте, в любое время суток и при любых обстоятельствах. Она и не возражала. Имея от природы бурный темперамент, она с радостью отдавалась ему ровно так, как он этого хотел. Более того, ей казалось, что если бы он вел себя с ней мягче, а не подобным, властным и настойчивым образом, то между ними утратилась бы часть огненной страсти, делавшей ее жизнь с ним настолько счастливой. Она безумно любила этого мужчину и более всего на свете боялась его потерять.

Сейчас она сама понимала, что повела себя необдуманно, пойдя танцевать с юным врачом. Но где-то, в глубине души, она знала, что провоцирует его специально. И что за всем этим ее будет ждать "суровое наказание" от мыслей о котором, она начинала немилосердно течь.

– Снимай платье, иначе я его порву, – командовал он. – И куплю тебе на Сухаревском рынке такую же хламиду, что была сегодня надета на Петровой. А?

– Нет, не хочу я платье с Сухаревского рынка.

– А придется, милая, его носить. Ибо платья из Парижа и Вены ты не заслужила.

Она сделала вид, что обиделась.

– Прости, Андрюша, я больше так не буду... Прости меня, любимый.

– Я знаю, что не будешь, но сначала ты будешь наказана.

Через минуту она сняла с себя платье и кружевные бати-

стовые трусики. Лиф в новом платье держал вшитый корсет. И потому ее большие груди с торчащими в стороны розовыми сосками тяжело колыхнулись и уперлись ему в грудь. Он давно снял пиджак и расстегнул пуговицы на рубашке. Она села на диван и прильнула к его волосатому животу. Под брюками железным колом стоял внушительный член.

Кольцов медленно расстегнул пуговицы на ширинке и стянул с себя брюки, короткие мужские кальсоны и рубашку. Он был абсолютно голым. Его прекрасный торс так нравился Светлане, что она сама встала с дивана и обняла его двумя жаркими руками. Она принялась осыпать его лицо, шею и плечи мелкими страстными поцелуями, шепча слова любви. Она торопилась, будто боялась, что это сокровище у нее кто-то может отнять.

– Чулки можешь не снимать, – задыхаясь, охрипшим голосом сказал он. – Только чулки...

Она терлась о его волосатую грудь, прижималась щекой к животу, пальцы привычно тянулись к твердому стволу роскошного члена. Он снова поцеловал ее в губы. Она застонала. Его правая рука схватила Светлану за волосы и с силой оттянула затылок. Он смотрел ей прямо в глаза. Она редко выносила такого прямого взгляда его синих, каких-то скифских, очень сильных, немного безумных глаз. Темные ресницы опустились на ее карие глаза. Он удержал ее с минуту и снова принялся целовать. Другая, свободная рука, нырнула к устью ее расставленных ног.

– Уже течешь... Уже хочешь меня? Да? Ты ведь хочешь меня, моя девочка?

– Да, – выдохнула она, дрожа всем телом.

– Ты же всегда хочешь меня, правда, киса? – при этом он почти рыкнул каким-то тигриным рыком.

Когда он так рычал, ее начинала бить крупная дрожь, и вставали все волоски на теле.

– Андрюша, – шептала она. – Возьми меня скорее, любимый... Возьми.

– Я ведь буду сейчас долго тебя ебать и снова разопру у тебя всю твою сладкую пиздочку. Ее надо рвать нещадно. Каждый раз снова и снова, доставая до матки.

– Да, – прошептала она. – Да! Я... очень хо-чу... Я люблю. Я...

* * *

Как прав был коллега Кольцова, Антон Иванович Сидорчук, когда предположил, что его жена была носителем "буржуйской породы". Светлана Георгиевна Быкова, двадцати лет от роду, действительно имела в своей родословной дворянские и княжеские корни. Но ныне в графе "происхождение", в собственной биографии, Светлана всегда писала "из рабочих". Но, кровь не вода, – ее трудно чем-то разбавить или изменить ее состав. Как часто ей приходилось скрывать в себе все те привычки, все те манеры, которые бы-

ли заложены в нее с самого рождения – в семье и институте благородных девиц, неполный курс которого она закончила в Смольном. В 1917-ом ей было тринадцать лет. А далее ее образованием занимался отец, который увез дочь подальше от лихих событий, спрятав всю семью в Крыму, в Коктебеле. У ее отца, инженера Быкова, была в Коктебеле скромная, но уютная дача. Но, не смотря на все вышеперечисленное, бывшая дворянка, бывшая институтка, утонченная и капризная порой штучка, совсем не чуралась крепких и матерных словечек, исходящих из уст ее любимого супруга. Мало того, именно их она находила максимально органичными в страсти. И кто знает, испытала бы она вообще возбуждение, если бы ее страстному и обожаемому Андрюше пришлось в голову сказать ей: "Пойдем, займемся любовью", вместо привычного и ласкающего слух: "Пойдем, я тебя выебу".

* * *

Он развернул ее спиной и легонько толкнул к дивану.
– Вставай попочкой, прогнись, – командовал он. – Иди на мой хуй.

Сильные руки легли на широкие бедра. Почти сразу, не лаская ее пальцами или головкой члена, он вогнал раскаленный ствол глубоко, до самого конца. Она застонала.

– Терпи, кошка. Терпи... Сегодня я тебя порву так, что ты будешь просить пощады.

– Да-аа-аа... Я...

– Ты-ты. Чувствуй его, чувствуй...

Его бедра ритмично задвигались над ее склоненной, покорной фигурой. Он с наслаждением натягивал ее навстречу себе. Светлана стонала уже не от боли, а от безумного наслаждения. Его пальцы легли на ее губы. В безотчетном сладострастии она принялась нежно покусывать его руку, а после сосать один из пальцев.

– Ты хочешь сосать, моя девочка? – он развернул ее к себе и заставил сесть.

Она сама скатилась вниз по шелковой обивке дивана и встала на колени. Он немного помедлил, будто дразня ее и раздумывая, давать ли член в ее маленький и горячий рот.

– На, на, пососи его. Я знаю, что ты любишь это делать, – он тяжело дышал.

– Андрюша, я обожаю твой хуй, – шептала она, обхватив его бедра и раскрывая рот. – Дай, мне его.

– На, кошка...

Она всегда делала это очень нежно и почти виртуозно. Ее горячий, острый язычок привычно скользил по натянутому стволу, проникая в такие нервные точки, от которых он вздрагивал и стонал. Наслаждение мягкой кошачьей лапкой царапало ему его главный нерв. Светлана двигала головой то медленно, то быстрее, распаляя еще больше его желание. Он снова схватил ее за волосы и оттянул на мгновение голову. Она выдохнула так, будто ее лишили чего-то самого вкусно-

го.

– Светка, ты сумасшедшая, – шептал он. – Ты его проглотить.

– Угу, – с жаром стонала она.

– Ну, хватит, а то я кончу тебе в рот. А у меня были иные планы. Ложись, я засажу тебе сверху.

Он положил ее на диван. Привычным движением она широко развела ноги. Он с наслаждением увидел, что все ее сокровище блестит от огромного количества влаги. Как он любил эти моменты. Он испытывал ни с чем несравнимое наслаждение, когда в итоге, после долгих любовных марафонов, его живот, пах, ноги и даже часть волосатой груди были мокры от обильно текущих соков его маленькой нимфоманки.

В этот раз он чуть отклонился в сторону и стал двигаться в ней дразнящими легкими движениями, то уходя на всю длину, то вода головкой по поверхности распухшей вульвы. Большой палец правой руки лег на обнаженную и чуть приподнятую головку клитора. Жена вся подалась навстречу. Каждое свое движение он сопровождал ритмичным надавливанием на ее алчный до ласк секель. По ее дыханию он понял, что еще минута, и она бурно кончит. В острый пик ее безумной разрядки он загонял член так глубоко, что она начинала дрожать, крича при этом нечто несвязанное, часто хриплое. Что-то татарское. Смесь тарабарщины на каком-то диком, нечеловеческом языке, сопровождая этот крик по-

чти змеиным шипением. И кричала так громко, что обычно их слышали соседи. Он знал, что она была громкой в эти минуты, и потому предпочитал перехватывать ее крик сильным и длительным поцелуем. Это было необыкновенное наслаждение. Ее крик врвался в его горло, словно крик пойманной птицы. Туда же улетала на мгновение ее душа, туманя всякий раз его разум. В эти минуты ему казалось, что все ее телесные конвульсии должны непременно закончиться смертью. Она будто трепетала на его члене в предсмертной агонии, сжимаясь так, что его крепкий друг оказывался на мгновение зажатым, словно в тисках. Влажный живот, ее милый круглый животик с втянутым пупком, дрожал в такт конвульсиям, исходящим из матки.

Но, в этот раз он не захотел скрывать этот крик. Он хотел, чтобы где-то на периферии танцпола, среди пьяного шума банкета, звона хрустальных бокалов, кто-то услышал бы его и изумился его силе. Чтобы все перестали жевать и прислушались к этому продолжительному и странному звуку.

В этот раз Светка кричала именно так, с удивлением глядя на него. Ведь она так привыкла отдавать эти звуки его горлу, что даже не догадывалась о мощи собственных голосовых связок.

– Я отдам тебя на курсы вокала, – усмехнулся он и лишь спустя минуту нежно поцеловал ее в губы.

А после он еще долго вертел ее в этот вечер, заставляя менять позы, тискал ее большие груди, с наслаждением за-

сасывая и нежно покусывая розовые соски. Светка стонала и вскрикивала, пока горячая, словно лава сперма, не расперла широким потоком его собственное жерло. Он кончил глубоко в нее, издав короткий полустон-полурыв со своими обычными словами.

Всякий раз, как он вливал в нее семя, он неизменно кричал слово "На!", тем самым показывая свою готовность отдать ее матке все, что накопилось в его теле.

– На! – снова и снова хрипел он, закатывая глаза от страсти.

Ему казалось, что ее пизда, вечно жадная до ласк, словно огромная змея, изнутри высасывала его досуха, как должное присваивая себе всю его силу и мужскую энергию. Он почти физически ощущал эту отдачу и ее, Светланино, принятие его жизненной праны.

А после она еще долго лежала на диване с раздвинутыми ногами, смотря остановившимся взором в чужой, покрытый лепниной потолок.

Ему и самому надоела эта ресторанная комната. В эти минуты комната показалась ему нелепой и чуточку вульгарной.

– Одевайся, – тихо сказал он.

– Андрюша, дай мне, пожалуйста, полотенце или салфетку. Там должны быть чистые в комодном ящике.

– Полотенце? Нет, его ты не получишь. Это тоже входит в мое сегодняшнее наказание.

– Но, я же вся мокрая, – прошептала она.

– Да, ты мокрая, с текущей пиздой. А еще ты растрепана, и на твоей шее красуются два засоса. А еще я заберу твои трусики и отдам их только дома.

С этими словами он подхватил батистовые кружевные трусики Светланы, поднес их носу, с наслаждением вдохнул аромат и быстро засунул их себе в карман пиджака. Он был уже полностью одет, тонкая расческа прошла по коротким волнистым волосам. Он рассматривал себя в зеркало, и, казалось, был вполне доволен своей импозантной внешностью, мужским обаянием и силой. Она все еще продолжала лежать обнаженной, с раздвинутыми в стороны ногами. И из ее главного сокровища струилась белая влага. Ему нравилась ее беспомощность и полное подчинение.

– Андрюша, дай полотенце, – еще раз жалобно попросила она.

– Нет, – решительно возразил он. – Хочу, чтобы все видели, что тебя выеб муж. А особенно пусть на это полюбуется тот выюноша прекрасный.

Она хотела было заплакать, но даже на это у нее не было сил. Она, наконец, свела вместе полные ляжки. Внутри нее что-то хлюпнуло. Медленно поднялась на ноги, пошатнулась, ухватившись руками за край комода. А затем она расчесала распущенные волосы и надела на себя мягкое платье. Он внимательно следил за ее плавными движениями. Руки и ноги не слушались ее. Она казалась бледной и, видимо, сильно хотела спать. Когда она накрашила губы и припудри-

ла носик, в ее лице проявилось нечто гордое и обиженное. Подбородок дрогнул. Она плотнее сдвинула ноги – на паркетном полу, возле зеркала, из нее выпали две пухлые светлые капли. Она наступила на них ногами, обтянутыми шелком тонких чулок, а после прижала рукой креплешинный подол платья к лобку. На темном, украшенном стразами подоле, тут же выступило обильное мокрое пятно. Оно просочилось и на ее попке.

Она с обидой смотрела в его глаза, в то время как в ее собственных закипали слезы.

– Ты хочешь моего позора? – с вызовом спросила она.

– Немного хочу... Я хочу, чтобы тот щенок увидел доказательства того, что я тебя отменно выеб.

– Ну что ж, пусть будет по-твоему, – она надела туфли на каблуке и решительно двинулась к выходу. – Звони своему швейцару, я пройду в таком виде через весь банкетный зал, а потом встану посередине танцпола. А заодно покажу всем твоим коллегам и эти великолепные засосы. Пусть все полюбуются, какой ты у нас самец.

Она покраснелась, зацелованные губы горели пунцовым цветом, проступая сквозь нежный тон розовой помады, влажные глаза сверкали от блеска подступающих слез.

– Сядь, – скомандовал он в последнюю минуту. – Сиди тут и жди меня. Я схожу в гардероб за твоим пальто и вызову из гаража таксомотор.

«Яр» находился на Петроградском шоссе³, и им надо было ехать сначала по нему, а после по Тверской, прямо к своей квартире, которая располагалась недалеко от Садового кольца, на Цветном бульваре.

Прошел ровно год, как талантливому и подающему большие надежды хирургу Кольцову Андрею Николаевичу выделили отдельную пятикомнатную квартиру на втором этаже старинного особняка на Цветном бульваре. Произошло это потому, что благодаря своему мастерству, проведя исключительно сложную, почти ювелирную операцию, он спас жену одного высокого партийного чина из Кремля.

Квартира эта находилась в тихом и уютном месте и располагалась в двадцати минутах ходьбы до новой работы Андрея. Будучи еще молодым хирургом, Андрей успел поработать сначала в военном госпитале им Н.Н. Бурденко. Именно там он и приобрел большую часть своей медицинской практики. Когда с фронта везли раненных, он не покидал операционную сутками. А выходя, падал, забываясь тяжелым сном. Все это было еще до его женитьбы на Светлане.

В 1921 году его пригласили работать в Шереметевскую больницу. В 1923 году на ее базе был организован Институт

³ Петроградское шоссе (с 1915–1924) – нынешний Ленинградский проспект.
(Примеч. автора)

неотложной помощи⁴. Там он и продолжал работать до нынешних дней.

Почти три года до этого семья Кольцовых снимала разные комнаты в огромных коммуналках и испытала на собственной шкуре все прелести социалистического общежития. Светлана, будучи по характеру очень спокойной и неконфликтной, как называл ее муж, "дамой из прошлого века", всегда очень сложно находила общий язык с соседками по коммунальному хозяйству. Именно тогда Кольцов вынужден был нанять немолодую, но крепкую и расторопную Дарью Ивановну из Подмосковья, а проще говоря, Дарью, которая была безмерно благодарна чете Кольцовых за то, что те ее приютили в собственной семье и дали ей ночлег и пропитание. Кольцов нашел ее случайно – она сидела на Сухаревском рынке – растрепанная и заплаканная, несчастная баба. В тот день ее ограбили, украв все наличные от проданного кабанчика своего свекра. Дарья была вдовой-солдаткой и проживала в Коломне с семьей погибшего мужа. Житье-бытие ее было несладким. Свекор часто ругал ее, попрекал каждым куском, бывало, бил и насиловал. Она даже была беременна от этого черноволосого старика, но тайно сделала аборт. С тех пор не могла более забеременеть. Вернуться домой без денег – означало бы, по ее словам, "верную смертушку". Андрей в тот день покупал на Сухаревском пшено и

⁴ В 1923 году институт был назван именем Николая Склифосовского. (Примеч. автора)

стал невольным свидетелем несчастья этой деревенской бабы. Она отчего-то понравилась ему своим круглым, бесхитростным и добрым лицом, на котором сияли огромные, голубые, распухшие от слез, глаза.

— А что, девица, может, тебе нужна работа? — весело спросил ее Андрей.

Дарья перестала плакать и живо соскочила с лавки.

— А что и платить будешь?

— Немного, но буду.

— А харчи? А спать где?

— Ну, хоромы я тебе пока не обещаю. Сам живу в коммуналке. Будешь помогать моей жене с ребенком. Она родила недавно. С ребенком и по хозяйству. А жить пока будешь у нас. И с голоду помереть тоже не дадим. Согласна?

— Согласная я, батюшка.

— Ну, коли так, тогда пошли...

Позднее Дарья съехала в отдельную комнатку, в коммунальной квартире, и даже обзавелась усатым поклонником, плотником Тихоном, приходящим к ней на ночлег. Но именно тогда, в первые четыре года семейной жизни Светланы и Андрея, когда друг за другом у них родилось двое сыновей, Дарья была верной помощницей неприспособленной и вечно сонной от детского плача и общего недосыпа Светлане.

Дарья умела дать отпор наглым и горластым соседкам, раньше всех набрать без очереди воды, вскипятить на примусе чайник, когда все еще спали, раздобыть свежее молоко,

крупу и даже фрукты в то время, когда в Москве было мало продовольствия. А также пошить из разных тряпок вполне сносные и симпатичные платья, юбки и блузки для своей обожаемой хозяйки. Светлану она полюбила сразу, будто та ей была родной сестрой или дочерью. При Андрее Николаевиче она вела себя сдержанно, часто робела и уважала его безмерно. Зато запросто могла отругать Светлану за непрактичность и неприспособленность к быстроменяющемуся московскому укладу. Светлана не обижалась на свою домработницу и часто в порыве нежности целовала ее в покрасневшиеся от кухонной возни полные щеки.

* * *

Не прошло и десяти минут, как он вернулся за ней. В его руках было ее новое пальто абрикосового цвета и шляпка в тон.

– Одевайся. Я приготовил тебе маленький сюрприз. Мы с тобой поедem не на извозчике. Нас ждет роскошный фoрд, – улыбаясь, сообщил он. – Нам до дому ехать не менее сорока минут.

Когда они вышли на крыльцо, стал накрапывать мелкий весенний дождь. Широким черным зонтом швейцар прикрыв их от дождя и проводил к новенькому вишневоmu фoрду. Щелкнула дверь, глухо взревел мотор, и они покатили вдоль Петроградского шоссе. Светлана сразу же отверну-

лась от Андрея и сделала вид, что смотрит в темнеющее окно. Мимо проносились дома, переулки, деревья, покрытые первыми свежими листочками. В приоткрытое окно долетал пьяный ветер весны. Тот необыкновенный ветер, что всякий раз рождает в душе огромную надежду и заставляет томиться от любви.

– Светка, ты дуешься на меня? – весело фыркнул он и с силой развернул ее к себе.

Водитель не слышал их, ибо между ними была стеклянная перегородка.

– Светка, ну Светочка, цветочек, – ласково дурачился он, дергая ее за поясок новенького пальто.

– Ты расстроилась из-за платья?

Она молчала в ответ.

– Дарья постирает его. А если моя сперма окажется ядовитой, мы просто выбросим его, а я привезу тебе осенью еще десяток новых. Осенью я еду в Париж на конференцию. А хочешь, я возьму тебя с собой? – неожиданно выпалил он.

Она продолжала упорно дуться и молчать. Одной рукой он развернул ее подбородок к себе и увидел, что все ее лицо было залито слезами. Словно дождевые капли они струились по щекам и затекали в шарфик.

– Да, моя ты девочка, – он крепко обнял ее. – Да, кто же посмел тебя обидеть? Да, иди ко мне, моя лапушка...

Он осыпал поцелуями ее милое лицо, шепча нежные слова. Целый поток ласковых слов. Он придумывал все новые

и новые варианты, пробуя на вкус не сочетаемые ласковые и матерные словечки, густо мешая их в один тягучий сироп. И этот сироп вливался в ее уши, заставляя замирать и улыбаться от счастья. А после его губы вновь поймали ее губы, и он принялся целовать ее долгим и нежным поцелуем.

– Светка, – шептал он. – Скажи, что ты меня любишь.

Она еще молчала, но уже не плакала, а лишь лукаво смотрела в его лицо сквозь собственные мокрые ресницы. Впреди открылась Тверская с множеством электрических фонарей.

– Скажи, разве я плохо тебя ебу? Скажи? – он тряс ее за плечи.

– Не скажу, – отмахивалась она.

– Ах, так? Ну, тогда берегись. Завтра выходной, и нынешней ночью тебе не будет пощады до утра.

– Ну...

– Да, и весь следующий день.

– Я просто умру...

– Нет, Светка, от ебли мало кто умирает, тем более в твоём возрасте, – смеялся он.

– А я умру, – настырничала она. – И тебе станет меня жалко, – она снова всхлипнула, словно ребенок.

– Тихо! Хватит плакать. Довольно! – прикрикнул он.

И она испуганно посмотрела на него.

– То-то же. И не смей мне перечить. Ты моя наложница, а я твой султан. И ты будешь отдаваться мне столько, сколько

я сам захочу. Поняла?

Она кивнула, глядя на него затуманенным взором карих глаз.

– А теперь говори: ты любишь меня?

– Я люблю тебя больше жизни, Андрюша.

– То-то же!

– Скажи, а ты, правда, возьмешь меня в Париж?

Глава 2

1921 год. Май. Крым

В Коктебеле у Макса⁵ Андрей оказался почти случайно.

Сначала он отдыхал неделю в Ялте. Хотя, пребывание в этом, разграбленном и нищем ныне городе, никак не походило на тот курортный отдых, каким он знал его до 1917 года.

Природа, вопреки человеческому безумству, встречала свою очередную весну. Крым благоухал, цвел и парил над окровавленной землей ветрами будущих надежд.

Но душевное состояние Андрея было настолько далеко от крымской весны с ее яркими почти тропическими красками, буйством цветущего миндаля и пришедшего ему на смену розового и благоухающего тамариска, как бывает далек настоящий живой праздник от скорбной тризны. Его уставшие, больные глаза не радовало даже цветение огромных, кипельно белых цветов граната и айвы. Не восхищали магнолии, ни алые россыпи рододендронов, ни золотые дожди бобовника, ни крымские розы. Он смотрел на всю эту неземную красоту, казавшуюся такой странной, почти нелепой, после привычного цвета крашенных серых палат, гор бурых бинтов,

⁵ Имеется в виду Максимилиан Александрович Волошин – русский и советский поэт, переводчик, художник-пейзажист, художественный и литературный критик.

блеска скальпеля и моря крови, и не мог понять и принять, что жизнь может быть иной. Что в ней может быть синее море, дельфины, стайки молодых прелестниц на пляже. О, этих девушек теперь не принято было называть барышнями. Теперь их принято было называть комсомолками. Все они ходили по пляжу в чем-то светлом, а на головах, словно искры, горели красные косынки. Он смотрел на них, как смотрят в аквариуме на диковинных рыбок и не чувствовал в себе знакомого желания.

Здесь, в Ялте, еще свирепствовал Красный террор. Ялтинский мол еще помнил сотни расстрелянных офицеров. Ялтинские улицы, дворы и дома еще дышали адским запахом смерти. Еще не были захоронены кучи трупов. Это было тяжелое время для Крыма. Он шел мимо ялтинских дворов и редко встречал в них человеческие лица. Если ему и попадался кто-то из людей, то все они казались какими-то картонными, не настоящими. Настоящими они становились лишь тогда, когда начинали что-то говорить. Но и это было ненужным. Любое общение становилось тягостным. Порой ему мерещилось, что многие из них сошли с ума. И им необходима психиатрическая помощь.

Он видел почерневшего от горя старого татарина, который каждое утро стоял возле плетня и всматривался в пустой конец пыльной дороги. Андрей узнал позднее, что сначала белые расстреляли трех его сыновей, а потом пришли красные и добились двух остальных. Выцветшая тюбетейка болталась

на желтом черепе старика. Дед походил на чахлое деревце, ссохшееся под палящими лучами южного солнца.

Он видел здесь и горы разобранных рельсов, и неубранные баррикады из шпал, возле которых валялись чьи-то окровавленные шинели.

Андрею казалось, что, не смотря на все старания крымской весны, этот тошнотворный, чуть сладковатый запах смерти еще не ушел с ялтинских улиц.

Не мог его выветрить и соленый морской ветер. Море... Как он любил море...

В первый же день, на рассвете, он пришел к его пустынно-му берегу, недалеко от Ялтинского мола. Лучи солнца в легкой южной дымке уже вставали над горизонтом. Справа играла стайка дельфинов. Вода еще плохо прогрелась, но ему хотелось обжечься этим холодом, чтобы тело наконец начало хоть что-то чувствовать. Андрей разделся донага и поплыл по направлению к молу и за него. Когда он вдоволь наплавался, то вышел на берег и сел на сухое бревно. После купания его пробила крупная дрожь. Зубы прикусили поси-невшую нижнюю губу. Он почувствовал на подбородке теп-лую струйку, трясущиеся пальцы не вытирали, а размазыва-ли кровь по лицу. Он вдруг заплакал. Некрасиво и громко, выкрикивая невидимому Создателю все то, что накопилось на душе.

– За что? – кричал он. – Доколе? Отчего ты слеп, Господи? Почему допустил?! А?!

Крик подхватили чайки. Он словно бы выплакивал этому морю и этому небу всю свою боль.

Сколько он тогда просидел на берегу, он не помнил. Когда обсох, он умылся от крови, медленно оделся и пошел прочь. Возле берега, на лавке, он встретил какого-то мальчишку.

– Что, дяденька, вам тоже страшно?

Андрей плюхнулся рядом с рыжим пацаном.

– Отчего мне должно быть страшно?

– Ну, как же? Тятенька рассказывал, что с этого мола скидывали людей⁶. Не всех стреляли. Кого-то и живьем, с камнями на ногах. Вокруг него до сих пор находят мертвецов, стоящих в воде. Они огромные, все лица им рыбы изъели, а волосы у них дыбом стоят. Я боюсь там плавать. Любой мертвяк может рукой за ногу схватить и утащить на дно, – доверительно рассказывал мальчишка, улыбаясь беззубым ртом.

Андрея затошнило. Он встал со скамейки и, пошатываясь, поплелся прочь. Назад в свою комнату, комнату в одном из бывших графских домов, где новая власть пыталась организовать отдых для медицинских работников.

⁶ Речь идет о ялтинских казнях 1918, расстрелах белых офицеров. Расстрелы производились прямо на знаменитом Ялтинском молу, трупы казнённых сбрасывали в море. Очевидец событий, член кадетской партии князь В. А. Оболенский писал: «...В Ялте офицерам привязывали тяжести к ногам и сбрасывали в море, некоторых после расстрела, а некоторых живыми. Когда, после прихода немцев, водолазы принялись за вытаскивание трупов из воды, они на дне моря оказались среди стоявших во весь рост уже разлагавшихся мертвецов...». Расстреляно было не менее 47 офицеров, а их трупы были сброшены в море. (Примеч. автора)

Надо было идти на завтрак. Полная черноглазая хохлушка с миловидным лицом заглянула к нему:

– Пан доктор, идите и сидайте исти. Каша готова. Ласкаво просимо.

Он кивнул и уставился в белый потолок, украшенный безвкусной лепниной.

Все его мысли были еще там, в Москве.

В ушах до сих пор слышались крики раненных. Когда он пытался заснуть, то перед лицом снова и снова появлялись груды ампутированных рук и ног. Биоматериал, подлежащий утилизации. Их просто не успевали сжигать. И часто они лежали сутками, прикрытые простыней, пока не приходил ворчливый и вечно пьяный дворник Тихон и не сгребал их на грязную тачку, которую он вез к топке. Отверстие топки напоминало Андрею вечно жадный рот немой беззубой старухи, которая уже не может жить без новых порций человеческих останков. Во дворе Шереметьевской больницы в то время воняло паленым мясом и костями. Именно с тех пор он возненавидел этот запах. Именно с тех пор он перестал есть мясо вообще.

Но об этом чуть позже.

Началось все с того, что во время десятой по счету операции, когда без сна и отдыха он оперировал больше суток, Андрей свалился в глубокий обморок, порезав скальпелем пациента. Операцию закончили без него. Но, самое страшное началось позднее. Тогда он проспал десять часов. И встал,

казалось, совершенно бодрым. Но именно днем с ним вновь случился обморок, после того как он увидел, что в темном коридоре, где обычно лежали ампутированные конечности, произошло некоторое шевеление. В этот раз и кучка эта была не так велика – видно, Тихон успел вывезти большую часть останков. Однако, все, что в ней лежало, убитое гангреной или разрывными снарядами, вдруг ожило, зашевелилось и поползло прямо к Андрею. Андрей издал громкий и хриплый крик и вновь потерял сознание.

Позднее он осознал себя лежащим в пустой больничной палате, с решетками на стрельчатых окнах. И рядом с ним сидел седенький профессор, специализирующийся на нервных и психических расстройствах.

"Вот оно. Допрыгался", – обреченно подумал Кольцов.

– Ну-с, давайте знакомиться, – профессор положил на колени военный планшет и приспособил к нему новую карточку пациента. – Меня зовут Николаем Викторовичем. А вас как, любезный мой друг?

– Кольцов Андрей Николаевич меня зовут, – осипшим голосом отозвался он. – Доктор, я что, в психушке?

– Ну, что за названия и от коллеги? Ни в какой вы не психушке, как вы изволили выразиться. Вы находитесь в отдельной палате, в вашей же Шереметьевке. Главврач попросил выделить вам отдельную и пригласил меня. Просто для консультации. Расскажите мне все по-порядку, что с вами произошло? Может, вы что-то увидели?

Андрей довольно быстро сообразил, что если он расскажет профессору о том, что его глаза видели в коридоре, то ему вполне светит оказаться в реальной «дурке».

– Доктор, честно сказать, я просто тогда сильно устал.

– Я понимаю... Поймите и вы меня, голубчик, в ваших интересах сказать мне правду. Тогда я смогу назначить необходимое лечение. Не было ли у вас каких-то видений? Может, что-то показалось?

– Нет, доктор. Просто обморок, – настырно произнес Кольцов.

– Понимаете, вы в тот день сильно кричали. Поэтому у меня и есть основания предполагать нечто большее, чем просто обморок. Не ребячьтесь, Андрей Николаевич, дело-то серьезное. И вовремя начатое лечение...

– Николай Викторович, я уверяю вас, что ничего определенного я там не видел. Может, испугался темноты.

– Ну-с, хорошо. Не смею настаивать. Скажите, вы где учились?

– Я закончил медицинский факультет Императорского московского университета⁷.

– Замечательно! Наверное, с пятого курса вас уже отправили на фронт?

– Да, в 1914 мне досрочно присвоили звание "зауряд во-

⁷ Ныне Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова. (Примеч. автора)

енного врача"⁸ и отправили на Западный фронт в составе 10-й армии. И лишь позднее, после 1918, я получил диплом врача.

– Вот как?! Западный фронт? – глаза доктора оживились. – Виленская операция?

– Да... – Андрей махнул рукой.

– А потрепали тогда наши немцев? – улыбнулся профессор.

– Да, но какой ценой? Доктор, вы же знаете... Эта война была позорной для России.

– Да-с... Ну, а далее?

– Далее я работал в передвижном госпитале уже на Дунайском направлении. Потом снова перевели в Москву.

– В 1917 вы в Москве были?

– Да. Потом меня уже мало командировали. Я больше работал в военном госпитале и тут, в Шереметьевской.

– Ну-с, голубчик. Одно могу сказать, что вы получили превосходную практику. А это дорогого стоит.

– Получил, – глаза Кольцова погрустнели.

– Ну, ничего, ничего. Лихолетье минет, и заживем мы с вами лучше прежнего, – сухенькая рука профессора легла на

⁸ Зауряд-врач (правильно: «зауряд-военный врач») – аналог воинского звания для наименования зауряд-военно-медицинских чиновников в Российской империи. Звание зауряд-врача присваивалось студентам 4-го и 5-го курсов мединститутов, медицинских факультетов университетов и Императорской военно-медицинской академии с 1894 года при назначении к исполнению должности младшего врача при мобилизации войск и в военное время.

исхудавшую руку Андрея. – Вам сколько лет?

– Двадцать девять.

– Прекрасный возраст! Вы женаты?

– Нет.

– Отчего-с так?

– Не до того было.

– А надобно вам жениться.

– Да, нет особого желания, – буркнул Кольцов.

– Это почему?

– Да, чтобы не разочаровываться, доктор, окончательно в женском племени.

– О, ну, это вы напрасно, – рассмеялся доктор. – Я чувствую, что была какая-то амурная история. Я угадал?

Кольцов промолчал в ответ.

– Поправляйтесь, голубчик, – доктор привстал, чтобы покинуть палату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.